

Вашкау Н.Э.
**СПИСКИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ: РОЛЬ ИСТОЧНИКА
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ДЕПОРТАЦИИ И ТРУДОВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Ключевые слова: российские немцы, депортация, война, списки, память.

Память в среде российских немцев, переживших время депортации, десятилетиями существовала латентно. Носители памяти – старшее поколение (бывшее в трудармии) и поколение выселенных детей (испытавших на себе тяготы спецпоселения), были связаны обетом молчания. Память была разорвана между поколениями. В редких случаях родители делились воспоминаниями о пережитом с детьми и внуками. В среде российских немцев присутствовали разные уровни памяти. Мужская память запечатлела изменение поведенческой роли: мужчина лишился роли хозяина, исчез привычный уклад хозяйственной жизни, пребывание в трудармии было сопряжено с освоением несвойственных профессий, унижением достоинства, зависимостью от начальства, комендатуры. Женская память удержала картины брошенного в одночасье хозяйства, заботу о детях, насилие со стороны мужского мира в трудармии (начальство и охрана лагерей).

Детская память запечатлела картины расставания с домом. Были разрушены образовательные связи (прервалось обучение в немецких школах), религиозные связи (нет бабушки, читавшей молитву, не проводятся семейные праздники), разорвались родственные связи, часто навсегда. На поселении помнятся насмешки и угрозы, драки со сверстниками, чувство голода и несправедливости. Непонимание причин выселения порождало у детей чувство незащищенности и отсутствия перспективы, отсюда в период взросления – стыдливость и ощущение ущербности своей национальности. Так выросло поколение детей 1939–1950-х годов рождения без собственной истории семьи в противовес остальным гражданам страны, так или иначе прошедшим через войну и гордившимся за участие в ней на фронте или в тылу.

Мне удалось получить возможность изучить комплекс уникальных источников – списки депортированных немцев с территорий бывшей Республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области. Документы хранятся в Информационном Центре УВД Волгоградской области (ИЦ УВД, ф.42). Рассекреченные в 2006 г., они стали основой трех научных публикаций источников. Каждый сборник документов сопровождается большой вступительной статьей. Первой публикацией был список жителей колонии Сарепта (сегодня Красноармейский район Волгограда) [7]. Затем были опубликованы списки по г. Сталинграду [3]. И, наконец, был завершен огромный труд – двухтомник, содержащий списки жителей всех колоний из южных кантонов республики, отошедших к Сталинградской области [8].

Как происходила подготовка к переселению? В соответствии с инструкцией, утвержденной Л.П. Берия 27 августа 1941 г., (впервые опубликована в 1995 г.) [4], для проведения «ответственного оперативного задания» 1 сентября были образованы оперативные тройки в составе уполномоченных НКВД (начальника районного отдела НКВД), районных комитетов партии и начальника милиции. С тем, чтобы не допустить волнений и неповиновения, была задействована агентурная сеть, о чем есть упоминания в архивных документах. Отметим, что данные с указанием фамилии осведомителя и его псевдонима заполнены на типографском бланке, на обороте указан тираж – 150 экз.

Списки составляли оперативные группы, выезжавшие в районные центры, колхозы, поселки. Списки, а также учетные карточки на семью составлялись в трех

экземплярах. Указывалось количество семей, общее число жителей, отдельно выделены мужчины, женщины, дети. С правой стороны списка те же данные с указанием, сколько человек погружено в вагон. Слева стояла фамилия уполномоченного НКВД, подготовившего список. Здесь же указана дата, что очень важно для определения времени отъезда, так как в воспоминаниях депортированных даты разнятся на 2–3 дня или даются указания «семья выехала в начале сентября». Сегодня мы можем восстановить абсолютно точно дату выезда жителей каждого немецкого селения или конкретной семьи.

Списки имеют разную степень сохранности. Что касается бывшей колонии Сарепта, он напечатан на машинке. В других случаях – это списки карандашом, угасающими чернилами. В архивных папках в качестве сопроводительных встречаются акты передачи выселяемых людей, рапорты о погрузке на баржи или в вагоны, телеграммы о формировании составов поездов, маршруты следования и сосредоточения на начальных и промежуточных станциях. О том, как проходила депортация, какие правовые нормы нарушались, я рассказала в книге, опубликованной в 2006 г. [2].

Сохранились несколько поэшелонных списков. Они показывают, жители каких деревень концентрировались на определенных узловых станциях железной дороги, сколько вагонов составляли эшелоны, сколько человек размещалось в одном вагоне. Так, эшелон № 709 со станции Камышин 14 сентября 1941 г. направлен до станции Вагай Омской железной дороги с жителями из 5 сел – Гебель, Шербаковка, Мюльберг, Гольштейн, Гильдман. Вагонов было подано 67. Из села Гебель всего было отправлено 1443 человека (33 вагона), Гильман – 524 (12 вагонов), село Гольштейн – 755 чел (18 вагонов). Одно село могло быть разделено по двум и более эшелонам (жители села Щербаковка выезжали в эшелоне № 709, 707). В списках указывались старшие вагонов (не везде), которые были назначены из немцев, что соответствовало инструкции по переселению.

Списки по Сталинграду и его районам позволяют судить о количестве немцев, живших в городе. По Ворошиловскому оперучастку Сталинграда переселение проведено 3 сентября. 315 семей (976 человек) доставлены на Баррикадный спуск на берегу Волги. Красноречивым документом является рапорт начальника Ворошиловского оперучастка. Он подан на машинописном бланке, где в пропущенные графы вносились статистические данные. Обратим внимание на формулировку вопросов, предусмотревших самые различные формы протеста. Из этого документа видно, что руководство было готово к протестным действиям населения. В то же время в рапорте отмечено, что никаких инцидентов не произошло.

Насколько четко работали оперативные тройки, показывает план проведения операции по переселению немцев по Котельниковскому, Ворошиловскому и Верхне-Курмоярскому районам (они входили в Котельниковский участок), направленный 2 сентября на утверждение в областной оперативный штаб уполномоченным НКВД по Котельниковскому участку Бурыкиным. Переселялось 48 семей (142 чел.), но всего сопровождало 30 (!) бойцов НКВД и милиции.

Села были достаточно большими. Так, село Семеновка Добринского кантона имело 581 семью, всего 2594 жителей, из них 1316 детей. Отправлены эшелонами №710 на станцию Омск 14 сентября. Кантонный центр Добринка был еще больше – здесь выселялось 718 семей, (2741 чел., из них детей – 1363).

Часть жителей селений, располагавшихся вдоль Волги, отправлялась пароходами, баржами. В списках фигурируют названия пароходов. Например, из Камышина 162 семьи (696 чел.) были погружены на пароход «М. Лядов» 10 сентября. Из Ольховки семьи были отправлены на пароходах «М. Урицкий» и «А. Грибоедов».

Необходимо отметить, что списки из селений содержат графы фамилия, имя, отчество, возраст, родственные отношения. Список жителей Сарепты включает еще и полный адрес. Список по Сталинграду имеет указание на профессию и место работы высылаемого лица. Только из Сталинграда было отправлено 3979 немцев. Из Сарепты – 2320. Без происшествий и неповиновения... В период выселения по области было арестовано 35 немцев. Всего переселено из Сталинградской области 26245 чел.

Необходимым дополнением для реконструкции процесса депортации российских немцев являются воспоминания людей, переживших трагедию выселения и передвижения вглубь страны. Историки, изучив первый пласт официальных документов, восстановив ход событий, как он виделся на основании официальных отчетов с мест партийных органов и органов НКВД, обратились к памяти людей в рамках повседневной истории. Молчание о судьбе народа на многие десятилетия вывело из семейной истории жизнь целого поколения.

Понимание того, что возвращение в места прежнего проживания невозможно (руководство страны продемонстрировало это в указах 1945, 1955 и 1964 гг.) вылилось в беспрецедентно большое для этнического меньшинства число межнациональных браков, в переход на ненемецкие фамилии при регистрации браков, в изменение национальности при получении паспорта, в нежелание изучать немецкий язык как родной. Все эти проявления повседневного выбора не предполагали устойчивой передачи семейных историй из поколения в поколение. Немцы получили возможность, наконец, сказать правду и выразить груз пережитого сначала на страницах немецкоязычной газеты «Neues Leben», в альманахе «Heimatliche Weiten». В 1991 г. вышло первое издание книги Генриха Вольтера «Зона полного покоя». Заглавие книги очень точно выражает состояние общества, жившего со стиснутыми зубами.

Этот коллективный рассказ был дополнен в последующие годы изданиями воспоминаний авторов, которые в силу своей профессии и уровня образования смогли описать свою жизнь, (Владимир Фукс, Вильям Гергерт, Рудольф Плюкфельдер [5] или за ними записывали историки (Виктор Бруль, Виктор Кириллов, Нина Вашкау [1].

Авторы не дают оценки собственной роли в истории страны, они повествуют о таких сторонах событий, которые либо не отражены в официальной документации, либо были недоступны для изучения и использования. Бесхитростность рассказов, простой язык изложения, описание самых «обычных» трудовых будней потрясают своей документальностью. И оживают лица на редких фотографиях, и восстанавливается древо семьи, когда дети, рожденные в 1939–1941 гг. находят в опубликованных списках свои имена. В моем архиве хранится многолетняя переписка с читателями, которые имеют в семье опубликованные списки. Хочу привести письмо Павла Дейна, который нашел свою фамилию в списках колонии Сарепта:

«Здравствуйте, Нина Эмильевна!

Сразу должен извиниться за стиль и правописание, так как моей профессией вот уже 30 лет является тяжелая строительная техника, а не «перо». Мне 50 лет. Я уже на пенсии, ветеран труда, но продолжаю работать на Астраханском Газоперерабатывающем Комплексе машинистом экскаватора. Проживаю с семьей в г. Астрахани с 1986 г. Мой дальний предок приехал в Россию из земли Гессен в 1766 году и поселился в Warenburg (Привальное) Самарской губернии. Так, его потомки спускаясь два столетия вниз по течению великой русской реки, в конце девятнадцатого века добрались до Сарепты, где в 1961 г. родился и я, на ул. Политотдельской, она часто встречается в Вашей книге. Там много улиц, знакомых мне с детства...

В первый класс пошел в школу, которая находилась в бывшем здании форштегеров. Рядом со школой располагался кинотеатр «Культармеец», в котором мы смотрели фильмы про закаленных в классовых боях героев. Бегали на первый шлюз Волго-Донского канала

и любовались проходившими кораблями. И только много позже, закончив десятилетку, затем техникум и отслужив в армии, я осознал, что фильмы мы смотрели в храме, где в недалёком прошлом отпевали моих предков. А первый шлюз стоит на том месте, где пролежала ул. Парашютная, на которой стоял маленький домик моего деда. Он работал толкателем брёвен на лесопильном заводе. Сейчас моему папе 76 лет. Несмотря на свой возраст, он обещал написать воспоминания о своём детстве, депортации, существовании в ссылке. Я также надеюсь на воспоминания Дейна Виктора Павловича (список в Вашей книге №6), проживающего в Сызрани.

В своем письме, Нина Эмильевна, Вы пишете: «Я же хочу показать, что стоит за этими сухими безличными партийными документами, какие судьбы». Это очень верно. Нужно рассказать читателям, что на «пункт погрузки», как цинично пишет в своем рапорте оперуполномоченный НКВД, доставили не крупнорогатый скот, а трудолюбивых и законопослушных граждан своей страны. 27.07.2011» [6].

Списки российских немцев являются неопровержимым свидетельством массовой запланированной и четко проведенной операции НКВД по депортации тысяч людей без каких-либо разъяснений, материального обеспечения и гуманного отношения к людям. Исследователи и потомки российских немцев активно используют сайты в сети Интернет, ищут свои корни. Этот вид трансляции знаний от старшего к младшему поколению исходит уже от молодежи, что вселяет надежду на передачу памяти следующим поколениям.

1. Бруль, В. И. Немцы в Западной Сибири / В. И. Бруль. – Ч. 1–2. – Топчиха, 1995; Gedenkbuch. Гордое терпение. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага / авт.-сост. В. М. Кириллов [и др.]. – Екатеринбург, 2004.; Вашкау, Н. Э. Сарепта. Страницы истории российских немцев / Н. Э. Вашкау. – Волгоград, 2006.

2. Вашкау, Н. Э. Страницы истории российских немцев / Н. Э. Вашкау. – Волгоград, 2006.

3. Возвращенные имена. Списки депортированных граждан немецкой национальности – жителей г. Сталинграда (август – сентябрь 1941 г.): сб. док. / Волг. Центр. герм. ист. исслед. – Вып. 11 / сост. Н. Э. Вашкау. – Волгоград : ВолГУ, 2011. – 233 с.

4. Депортация народов СССР (1930-е – 1950-е годы). – Ч. 2 : Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). – М., 1995. – С. 74–79.

5. Гергергт, В. Э. Мечта и грешная земля / В. Э. Гергергт. – Пермь, 1994.; Фукс, В. Г. Роковые дороги поволжских немцев. 1763–1995 / В. Г. Фукс. – Красноярск, 1995; Плюкфельдер, Р. В. Чужой среди своих / Р. В. Плюкфельдер. – Книга 1 : Невыездной. – М., 2008.

6. Личный архив Н. Э. Вашкау.

7. Сарепта. Территория памяти : сб. док. / Волг. Центр. герм. ист. исслед. – Вып. 7 / сост. Н. Э. Вашкау. – Волгоград : ВолГУ, 2008. – 142 с.

8. Списки депортированных российских немцев с территории бывшей Республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области : сб. док. : в 2 т. / Волг. Центр. герм. ист. исслед. – Вып. 12 / сост. Н. Э. Вашкау, Е. Л. Фурман, Л. А. Фалалеева. – Волгоград : ВолГУ, 2015. – Т. 1. – 626 с. ; Т. 2. – 568 с.

Строганова В.А. ЭГО-ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА (1941–1944 гг.) НА МАТЕРИАЛАХ ЭВАКОГОСПИТАЛЯ № 1012

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, здравоохранение, Ленинградский государственный университет, эго-документы, фронтовые госпитали, эвакогоспиталь № 1012.

Важнейшим фактором успешной борьбы за освобождение Ленинграда стала особая система организации здравоохранения, позволившая в условиях продовольственного и медикаментозного дефицита, спасти жизни раненых солдат и ослабевших жителей.